

С НОВЫМИ
СИЛАМИ
НА ВРАГА

ВОЗВРАЩЕНИЕ

И верилось и не верилось... Мы снова в партизанском лесу! Стало известно, что всех прибывших с Большой земли вольют в сводный стряд Ермакова. Ослабевших же партизан должны были отправить на отдых, а способные драться останутся с нами. Мне приказывалось принять у Ермакова отряд. На должность комиссара отряда с нами вместе прилетел секретарь обкома т. Селимов. Начальником штаба был назначен Христофор Чусси, начальником разведки Иван Витенко, Михаил Самойленко стал его помощником.

Отряд Ермакова находился на южных склонах Чатыр-Дага, в сорока пяти километрах от аэродрома.

Перед выходом в путь я построил отряд. В строю можно было хорошо рассмотреть людей. У всех добротное обмундирование, удобная, прочная обувь. В вещмешках запас еды: сухари, шоколад, сухое мясо, по два литра спирта. А самое главное: у всех на груди висят новенькие автоматы, в подсумках запасные диски. Как не похожи эти люди на тех, кто покидал крымские леса осенью прошлого года! А ведь это они же...

Теперь начало лета. Под лучами солнца ярко, всеми красками сверкает наш партизанский лес. И на душе радостно. Скоро, теперь уже скоро Крым станет советским!

Распрощавшись с товарищами, тронулись в путь. Благополучно пересекли шоссе и ночью спустились к южному склону Чатыр-Дага. Первым, кто нас встретил, был разведчик Костя Кособродов, один из двадцати членов семьи Кособродовых, принимавших участие в партизанской борьбе. Пока Костя передавали из объятий в объятия, к нам подбежали радостные Ермаков, Витенко, Гордиенко, Грузинов, Бережной, Шувалов. Их худые

лица, может быть, впервые за эту зиму осветились улыбками. Начались дружеские рукопожатия, приветствия, расспросы и разговоры.

Я осмотрел лагерь, поговорил с людьми. Невероятные трудности зимовки были видны во всем. И тем не менее на усталых, изможденных лицах цвели улыбки радости. Все чувствовали, сознавали, что Большая земля помнит о них, проявляет по мере сил и возможностей заботу. Само наше прибытие явилось наглядным подтверждением этой заботы. Значит, наступает новый этап борьбы с врагом. Такое событие не отпраздновать просто нельзя.

Вечером ярко запылали многочисленные костры. Все от души веселились. Особенный успех имело содержание наших вещевых мешков.

Мы привезли с Большой земли новые, неизвестные остававшимся в лесу песни. Допоздна звучала «Землянка», «Ты ждешь, Лизавета», «Офицерский вальс». Надо сказать, что запевалы у нас были редкостные: чудесный тенор Миши Самойленко и приятный баритон Форы Чусси — таких голосов поискать. А ермаковцы порадовали нас хорошей игрой на баяне. Среди баянистов был известный всему лесу смельчак Жора Грузинов. Он быстро схватывал мелодии новых песен.

Оказалось, что и у оставшихся в лесу есть новинка — румынская песенка «Романия папушой». Ее часто напевал Тома. Мелодия партизанам понравилась, а слова они сочинили другие. Мы попросили исполнить эту песенку. Грузинов и еще один партизан из его группы растянули меха баянов и дружно запели:

Антонеску и Михай
Подралися за малай.
И такой поднялся хай,
Хоть ложись и умирай.
Антонеску был высок,
Захватил большой кусок.
Романия папушой,
У Михая нос большой.

Антонеску дал приказ
За два дня забрать Кавказ.
А румыны не поняли,
За два дня Кавказ отдали.
Нема сала, нема вина,
До свиданья, Украина!

«Романия папушой» на партизанский лад звучала

очень здорово (в ней были и другие, более «крепкие» слова, которые я заменил точками). Единодушно было решено «папушой» вместе с нашими песнями принять на вооружение. Впоследствии эта песенка сыграла важную роль в одном бою... Но об этом в своем месте.

После веселой встречи начался серьезный разговор. Ермаковцы рассказали о зимовке. После того как мы отправились на Большую землю, оставшиеся поредевшие отряды были объединены в один сводный. В него вошли остатки Евпаторийского, двух Симферопольских отрядов и несколько человек из нашего отряда.

Зима в тот год выдалась на редкость суровая: снегопады, жестокие холода, метели. В лесу снегу намело по пояс. На продовольственные операции ходить стало совершенно невозможно — следы выдавали партизан.

Гитлеровцы создали так называемые «яхт-команды», и по всему лесу за партизанами шла охота, словно за зверями.

Люди начали погибать от голода. Многие опухли и не могли двигаться. На лагерь медленно и неотвратимо надвигалась смерть. И вот тогда к секретарю обкома партии Ямпольскому пришли Бережной и Шувалов и попросились пойти на поиски съестного. Михаил Митрофанович Шувалов — старый разведчик. Его натренированное тело не поддавалось влиянию голода: он еще ходил. Бережной прекрасно знал места вокруг. Собрали группу в 15 человек, которую возглавил Л. Вихман. Группа двинулась в сторону Бахчисарайя. Не доходя семи километров до города, партизаны набрали на подсобное хозяйство какой-то вражеской войсковой части. В конюшне стояло 20 лошадей. Когда конюхи узнали о цели партизан, они согласились отдать лошадей, только попросили связать их. Пока Шувалов выгонял лошадей, Бережной скрутил руки конюхов вожжами привязал их к столбу.

Через двое суток партизаны на конях приехали в лагерь. Это было спасением! Лежавшие люди поднимались, плакали от радости. Ямпольский подошел к Михаилу Митрофановичу, поклонился ему в знак великой благодарности, а потом притянул к себе и поцеловал его огрубевшие руки.

Партизаны начали поправляться, окрепли, стали ходить на продовольственные операции. Жить стало чуть легче. Теперь каратели не совались в лес так безбоязне-

но, как месяц назад. Участились налеты партизан на вражеские гарнизоны.

Разговаривали мы с Ермаковым долго. Он рассказал нам все, что знал, о вражеских гарнизонах вокруг, ввел в обстановку. Взволновал нас рассказ Ивана Витенко о зверствах гитлеровцев.

Сотнями тысяч трупов солдат и офицеров заплатил уже подлый враг за свое временное хозяйствование в Крыму. В отместку за позорный провал «смолниеносного» захвата Севастополя гитлеровские бандиты разорили наш цветущий край, залили его кровью советских людей.

В Симферополе за два года население сократилось более чем вдвое. На территории совхозов «Красный», «Дубки», «Животноводческий № 1» были зверски расстреляны десятки тысяч ни в чем не повинных мирных жителей. В «душегубках» были умерщвлены все больные, находившиеся на излечении в областной психоневрологической клинике. В совхозе «Красный», расположеннем вблизи города, фашистские палачи устроили концентрационный лагерь смерти, где ежедневно казнили сотни военнопленных.

Под Керчью, в Багероцком рву, было расстреляно семь тысяч женщин, стариков и детей. Кровавая трагедия разыгралась в Аджимушкайских каменоломнях, где наших людей гитлеровцы душили газами. Бойни и погромы опустошили Евпаторию, Феодосию, Старый Крым, Джанкой.

Изошляясь в преступлениях, оккупанты изобрели новое средство массовых убийств — так называемые «морские душегубки». Под видом эвакуации более пяти тысяч человек были отправлены из Симферополя в Севастополь и Евпаторию. Затем советские люди на самоходных баржах были вывезены в открытое море, удушены в трюмах и потоплены.

Рекой лилась кровь, стонала крымская земля, тяжко страдали люди. Но они остались непокоренными, не угасла их ненависть к врагу. В листовке, составленной и отпечатанной партизанами, говорилось:

«Жители Крыма! Нельзя больше терпеть! Там, гдеступает нога фашистского зверя, — там страдания, кровь, смерть... Вы знаете каждое дерево, на котором фашистские палачи вешали советских граждан. Вы видите опустевшие дома, улицы и огромные могилы на окраинах городов и сел.

От рук немецких и румынских извергов гибнет близкий, ваш друг. Можешь погибнуть завтра и ты! У зверя не вымолишь пощады.

Не медлите ни минуты! Мстите убийцам!

Помогайте Красной Армии добивать диких зверей. Идите в отряды народных мстителей — к партизанам. Спасайте народное добро! Убивайте поджигателей! Спасайте советских людей от смерти! Мстите за слезы, за кровь советских людей!

Смерть палачам народа — фашистским захватчикам!»

Позднее мы узнали, что в Симферополе под руководством подпольного горкома партии успешно действовало несколько патриотических и диверсионных групп, в том числе большая молодежная организация. А в Севастополе бывший сельский учитель, участник геройской обороны города Василий Ревякин создал коммунистическую подпольную организацию в тылу немцев. В Бахчисарае также было создано комсомольское подполье, связанное с партизанами через старого коммуниста Болека и партизан Маслова и Еремеева, направленных из отряда в октябре прошлого года. В Джанкое, Евпатории, Керчи, Белогорске, Феодосии, Ялте — повсеместно в городах и селах Крыма разрасталось патриотическое движение советских людей, руководимое коммунистами.

Красная Армия в это время вела успешное наступление на всех фронтах. После освобождения Харькова, разгрома немцев на Кубани советские войска стали стремительно приближаться к Перекопу.

Я принял командование укрупненным отрядом, проводил Ермакова и с ним нескольких партизан на аэродром. Тогда же улетел на Большую землю и «туариш Тома». Об этом мы узнали от связного, прибывшего к нам от северян. Связной передал Мише Самойленко плащ-палатку.

— Какой-то румын велел отдать вам и сказать, чтобы вы помнили Тому. И еще велел передать, что он никогда не забудет русских друзей. Особый привет дяде Коле.

А дядю Колю ждало тяжелое известие. Во время проводившейся операции, о которой я упоминал, Бережной и Шувалов встретились с его дочерью. От нее они узнали о гибели жены Николая Спаи, но сразу об этом они ему не сказали. Лишь на третий день Бережной ра-

зыкал дядю Колю, положил руку на его плечо и тихо сказал:

— Пойдем поговорим.

Сели на поваленное дерево, закурили. Дядя Коля сразу почувствовал, что случилось что-то недобroе. Бережной молчал, не зная, как начать разговор. Тогда Спай сам спросил:

— Что-нибудь дома? Соня?

Бережной кивнул головой:

— Твоей Сони больше нет. Ее расстреляли немцы. Кто-то донес, что ты ушел в партизаны и она помогала тебе. Ее убили...

Всю ночь, не смыкая глаз, Спай просидел у костра. Он как-то поник, одежда на нем обвисла. Он плакал беззвучно, только чуть заметно вздрагивали его плечи.

Если ты знаешь человека сильным, смелым и веселым, то очень тяжело видеть, когда он плачет. И я отошел от дяди Коли. В такие минуты лучше оставить человека наедине.

Утром весь отряд узнал о горе Спая. Но никто не заговорил с ним о случившемся. Люди были просто внимательны к дяде Коле, каждый старался сделать для него что-нибудь хорошее. Спай подошел к штабному шалашу и сказал мне:

— Миша, будь другом, разреши обменять карабин на автомат. Теперь мне одиночных выстрелов мало...

Он впервые назвал меня Мишой. Я приказал выдать Спай новый автомат.

Сурова партизанская жизнь. Скорби предаваться здесь некогда. В лесу что ни день — то новое серьезное испытание. В первой стычке с врагом мы убили трех фашистов и двух ранили. От раненых узнали много важного. Они рассказали, что из предателей создан карательный батальон, значительно превышающий по численности наш отряд. Командиром батальона назначен майор СС Раимов. Бывший сельский учитель Раимов с первых же дней войны стал предателем, поступил в полицию. Нам несколько раз приходилось раньше встречаться с его отрядом, мы узнали жестокость и коварство этого кулацкого сынка. Партизан он ненавидел лютой ненавистью, дрался против нас умело. Мирные жители знали его как отъявленного злодея.

Немцы заметили усердие Раимова и послали его в Берлин, в школу офицеров СС. За карательные операции

против партизан Раимова наградили двумя железными крестами. Из Берлина предатель прибыл в звании майора. Фашистская газетенка «Голос Крыма» посвятила этому событию целую страницу, поместила фотографию, где Раимов снят на фоне рейхстага. В статье сообщалось, что Раимов пользуется личной благосклонностью Гиммлера.

Эти сведения заставили нас крепко задуматься. Неспроста под начало Раимова отдано более пятисот карателей. По всему было видно, что гитлеровцы задумали новое крупное наступление на партизан.

Партизаны насторожились. Не прекращая налетов на вражеские гарнизоны, мы зорко следили за тем, что происходит вокруг.

В это время немцы начали массовую заготовку леса. По данным нашей разведки, лес был им необходим для усиления укреплений на правом берегу Днепра. Группы лучших боевиков во главе с Георгием Грузиновым, Николаем Дементьевым, Григорием Глущенко и Сергеем Лаврентьевым вышли в район деревни Бия-Сала и «потревожили» заготовителей леса. Было убито два офицера, «древосеки» разбежались.

Группа Ивана Купреева совершила смелый налет на вражеский обоз, подорвала восемь телеграфных столбов, уничтожила около трех километров проводов.

В ночь с 25 на 26 июля одна из наших боевых групп под командованием Ивана Урсоля совершила диверсию на перегоне Симферополь — Альма. Был взорван паровоз, 21 вагон, разбиты 25 орудий и минометов. Гитлеровцы потеряли убитыми и ранеными более 50 человек. Несколько позднее подорвался эшелон в одном километре от Бахчисарая. Это была работа Грузинова и его товарищей. В начале августа группа Николая Гордиенко пустила под откос тяжеловесный состав с награбленным имуществом, которое оккупанты пытались вывезти в Германию.

Враги, вначале державшиеся уверенно и нахально, забеспокоились. Наши разведчики узнали, что по всему Крыму оккупанты разнесли весть о том, что в районе Чатыр-Дага большевики выбросили большой десант моряков, а также уголовных преступников, которые выпущены из тюрем. В фашистской газете немецкое командование обещало уничтожить десант в ближайшее время.

Мы ожидали большого прочеса и начали готовиться к нему.

Сначала противник решил сделать разведку боем в районе Коуша. Тогда в этом селе стоял гарнизон в полторы тысячи человек, не считая знаменитой своими зверствами местной полиции.

Наши патрули, высланные накануне во всех направлениях, донесли о появлении противника. Заградительные отряды выдвинулись вперед и залегли в скалах на дальних подступах к селу. Когда из-за деревьев показались первые группы немцев, в ход были пущены гранаты, заговорили наши пулеметы и автоматы. Потеряв свыше двух десятков убитыми и ранеными, гитлеровцы вынуждены были отступить.

Дядя Коля в этом бою вел себя исключительно бесстрашно. Он лично уничтожил восемь карателей. Не обергаясь, он выбегал вперед и поливал врага огнем из автомата. Пули как будто щадили его. Когда в диске кончились патроны, Спай встал за дерево, чтобы зарядить автомат. В этот момент прямо на него выскоцил солдат и выстрелил из карабина. Спай успел пригнуться, а затем с силой ударили фашиста прикладом по голове.

Чтобы сбить неприятеля с толку, мы вечером покинули лагерь. Ночевали на берегу небольшой горной речушки: варили пищу, стирали белье, а с рассветом поднялись на скалы и подготовились к встрече с врагом.

Разведчики сообщили, что к нам приближаются каратели во главе с Раимовым. Небольшая группа хорошо вооруженных врагов углубилась в лес. Наткнувшись на мины у подходов к лагерю, они открыли стрельбу. В перестрелке случайной пулей был убит наш лучший разведчик Алексей Рогоза. Он провел в лесу много дней, лежал с нами в Сочи и снова возвратился в крымские леса, чтобы мстить врагу.

Ночь прошла тревожно. Костров не разжигали. Почти никто не спал, все хорошо знали коварные повадки раимовских головорезов.

На рассвете над лесом послышался гул самолета, и почти над самыми вершинами деревьев пронесся «фокке-вульф». «Неужели наступление будет поддерживаться авиацией?» — подумали мы. «Чертова рама», как мы звали этот самолет, поднялась выше и стала кружиться над лесом.

У подножия горы Черной начался бой. Перестрелка

приближалась. Значит, наших теснят. Я послал на помощь две группы с пулеметами. Основные силы отряда в бой еще не вступали. А рама все кружила. Вдруг стрельба утихла. Что бы это значило? Я ждал связных с запада, но они неожиданно появились с южной и восточной стороны. Оказывается, пока шел бой у горы Черной, другие взводы раимовского батальона обошли наш отряд. Мы были окружены. Недаром летала над нами зловещая рама. Видимо, пилот по радио наводил карателей, и они замкнули кольцо окружения.

Мы заняли круговую оборону. Драться в окружении нам не впервой. Партизаны расположились за камнями, за корневищами вывороченных деревьев. Ко мне подошли Самойленко, Чусси, Витенко. Посоветовались, уточнили расположение сил противника и определили удобное для прорыва место: южный склон горы Абдуга. Прорыв решили делать в тот момент, когда враги начнут сжимать кольцо. Если удастся вырваться, мы поднимемся к вершине горы и оттуда ударим на карателей. Комиссара на совещании не было — он находился среди партизан. Им он читал только что принятую по радио сводку Совинформбюро. Вести были радостные: в Донбассе противник отступает по всему фронту, наши войска освободили Кривой Рог.

Мы ждали врага, но он не появлялся. Так прошли ценные сутки.

— Если бы Раимова воля, — сказал Чусси, — он давно полез на нас, да немцы, видать, не позволяют. Они ждут, когда мы первые пойдем на прорыв, тогда им легче будет уничтожить нас.

По всему было видно, что гитлеровцы разгадали наши намерения. Рядовые партизаны тоже обсуждали создавшееся положение.

— Если они, гады, не хотят начинать, то, может, мы ударим? — сказал Миша Апазов.

— Что значит не хотят? — возразил Грузинов. — Надо заставить. Товарищ командир, — Жора обратился ко мне, — разрешите?

Через несколько минут группа Грузинова ушла, вернее уползла на восток. А спустя полчаса где-то вдали поднялась интенсивная стрельба. Лес огласился звуками боя. Враги начали сжимать кольцо.

Группа Матвея Гвоздева, в которую входили дядя Коля, Миша Апазов и еще около двадцати партизан,

направилась к подножию Абдуги, на прорыв. Это была ударная группа. За ней двинулся весь отряд. Расчет наш был прост: короткими ударами рассечь кольцо, пробить в нем узкий проход. Пока фланговые группы раздвигают коридор, основная часть отряда выйдет из окружения. Затем она развернется и, получив свободу маневра, нанесет удар по противнику.

В прорыве, как и во всяком другом партизанском бою, роль и место командира резко отличаются от роли общевойскового начальника. Армейский командир непосредственного участия в уничтожении живой силы врага не принимает, он находится сзади подразделения и руководит боем. Партизанский же командир находится если не впереди, то обязательно среди бойцов и вместе с ними ведет огонь на уничтожение врага. В разгар схватки место командира партизан установить трудно — он должен быть на самом ответственном и трудном участке. Поэтому я, начальник штаба, комиссар и заместитель по разведке шли на прорыв вместе со всеми.

Итак, ударная группа выдвинулась несколько вперед. Впереди всех ползли Апазов, Гвоздев, Спаи, Дементьев. Чуть позади и правее была группа Грузинова. С ней вместе шел комиссар. Вдруг впереди послышался треск сучьев: не иначе раимовцы. Апазов и его друзья затаились.

— Дави их, гадов! — не своим голосом вскричал Апазов и набросился на вражеского солдата.

Они упали на землю и, обхватив друг друга руками, покатились.

Миша — старый, опытный разведчик, он командовал отдельной группой, был смел до безрассудства. За доблесть и мужество, проявленные в боях, был награжден орденом Красного Знамени. Он говорил, что только мертвый и пленный гитлеровец не вызывает в нем злобы. Эта ненависть к врагу помогла ему стать отличным бойцом. И хотя о героизме Апазова не передавалось в сводках Совинформбюро, добрая слава о нем ходила по всему лесу.

Сейчас, вцепившись одной рукой в горло врага, другой он выхватил из-за пояса нож. В этот момент из-за дерева в него в упор выстрелил автоматчик. Миша неестественно запрокинул голову.

— За Родину! Вперед! — крикнул я изо всех сил.

Смело бросились на врага Чусси, Спаи, Самойленко,

Дементьев, Гвоздев, Грузинов. Слыши голос комиссара:
— Коммунисты и комсомольцы, за мной!

Партизаны дрались отчаянно. Гранатами и автоматами пробивая путь, они без страха, как львы, бросались на фашистов, кололи их ножами, душили руками, били по головам прикладами.

Когда дядя Коля увидел, что Апазов погиб, он поднялся во весь рост и в два прыжка очутился около гитлеровца, застрелившего Мишу. Сверкнуло лезвие его ножа, и враг осел на землю. Спай схватил падавшего, поднял над головой и с силой бросил на второго солдата, вылезавшего из-под убитого Апазова.

Не обращая внимания на выстрелы, Спай вырвался далеко вперед и очутился среди врагов. Прозвучало сразу несколько очередей, но он успел укрыться за толстым стволом дерева. Мгновение, и в гитлеровцев полетела граната. Сильный взрыв решил успех прорыва. Часть карателей была убита, остальные бросились по сторонам. Перебежав к другому дереву, Спай прижал автомат к груди и нажал на спуск. Длинная очередьрезанула по залегшим фашистам. Выход из окружения был расчищен.

Но в самый последний момент из-за скалы прозвучала короткая автоматная очередь. Дядя Коля покачнулся ухватился левой рукой за сук, правой продолжая вести огонь из автомата. Потом его выстрелы стихли.

Отряд выходил из окружения. Когда я подбежал к Спай, он был уже мертв. Перебитая левая рука откинута в сторону. Пальцы правой руки так и застыли на спусковом крючке автомата. Диск пуст, видимо, дядя Коля вел огонь до самого последнего момента, когда очередь наискосок прошла его тело.

Вырвавшись из окружения, мы быстро рассредоточились по склону горы и обрушили на врагов всю огневую мощь отряда. Со склона вниз летели гранаты, непрерывно работали пулеметы и автоматы.

Гитлеровцы пришли в замешательство. Они надеялись нас окружить, но мы оказались на горе, выше их. Я выбежал вперед и поднял автомат вверх. Этот знак все знали.

Громкое «ура» прокатилось над лесом. Партизаны ринулись вперед. Самойленко размахнулся изо всех сил и швырнул гранату. Раздалось еще несколько взрывов. Нам ответили беспорядочной стрельбой. Гитлеровцы, не

ожидавшие такого огня, отстреливаясь, удирали. Стремительно преследуя отступавшего врага, мы гнали его вниз, к реке.

В это время фашисты бросили на помощь карательям подкрепление. Шедшие впереди солдаты подорвались на заминированных подходах к горе Хейролан, остальные дальше не пошли.

Всего несколько часов продолжалась схватка. Из пятисот карателей, принимавших участие в бою, половина нашла себе могилу в этом районе. Тяжелые потери были и у нас.

Под вечер, перейдя речку Сырую Альму, мы остановились. На второй день комиссар и начальник штаба с группой партизан возвратились на место боя, чтобы похоронить убитых.

На поляне вырос холм свежей земли, украшенной осенними цветами. Сколько их, таких холмов на бескрайних просторах советской земли! И под каждым спят вечным сном скромные герои, павшие смертью храбрых в боях за честь, свободу и независимость Родины.

ДВЕНАДЦАТАЯ ГОНДОЛА

После августовских бсев враги поняли, что партизаны сейчас не те, что были год назад, и вооружены не так, как раньше. У нас теперь было автоматическое оружие, много гранат, мин, патронов. И только продовольственная проблема не была решена.

В конце августа к нам прилетел первый самолет с продовольствием. Мы были предупреждены по радио и подготовили сигналы. Летчик, увидев условные знаки, сбросил двенадцать парашютов. К ним были подвешены гондолы, в которых находились сухари, концентраты, консервы, табак. Это была очень своевременная помощь, хотя накормить досыта многочисленный отряд таким малым количеством пищи было нельзя; мы по-прежнему жили впроголодь.

Из этого периода мне особенно запомнился случай с партизаном Георгием Грузиновым. Это был славный, веселый парень, что уже само по себе много значило. Если добавить к тому его смелость и находчивость, вы поймете, что любовь, которой он пользовался среди партизан, была заслуженной. Высокий, стройный, с правильными